

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед", август 1997 года

К 850-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

Поезд Сергиев Посад - Москва прибывает на Ярославский вокзал и толпа пассажиров устремляется на Комсомольскую площадь. Это название площадь получила в честь комсомольцев, соорудивших первую очередь Московского метрополитена. А до этого долгое время называлась она Каланчевской. Такое же название имели переулочек и улица, расположенные рядом.

В 1928 году переулочек вошел в одноименную улицу, образовав современную Каланчевскую улицу, с годами значительно изменившую свой облик. Незнаваемо изменились также Каланчевская площадь и улицы, примыкающие к ней. Только название района "Каланчевка" до сих пор живет в народе, напоминая о событиях давно минувших дней.

КАЛАНЧЕВКА

Более 300 лет назад на этом месте была граница Москвы, обозначенная Земляным валом с деревянной на нем стеной, имевшей более трех десятков башен.

В XVII веке за Земляным валом на окраине поля был сооружен деревянный дворец. К тому времени было построено несколько загородных царских дворцов - в Преображенском, Измайлове, Коломенском. Отличительной особенностью каланчевского дворца стала дозорная вышка, которая по-татарски называлась "каланчой", что и послужило основанием назвать поле, дворец, а позднее площадь, улицу и переулочек "Каланчевскими".

Неподалеку от дворца была построена усадьба со службами. Подобных было немало на загородных землях и принадлежали они не только царским фамилиям, но и приближенным царя. По предположению историков Каланчевская усадьба принадлежала боярину Шейну - участнику петровских походов на Азов.

На пересекавшем Каланчевское поле ручье Ольховец владельцы усадьбы ставили плотины, образуя пруды. В память о том времени сохранились названия улиц Ольховская и Краснопрудная. Последняя получила свое название по "великому" пруду возле села Красное. А о красивом селе напоминают названия станции метро и улицы - "Красносельская".

В конце XVIII столетия в районе, где протекал ручей Ольховец, шла бойкая торговля лесом. На старинных чертежах обозначены небольшие лавки, за которыми складывались бревна и доски. Этот отрезок Каланчевской улицы называли в те годы "Из Лесного ряда к Красным воротам".

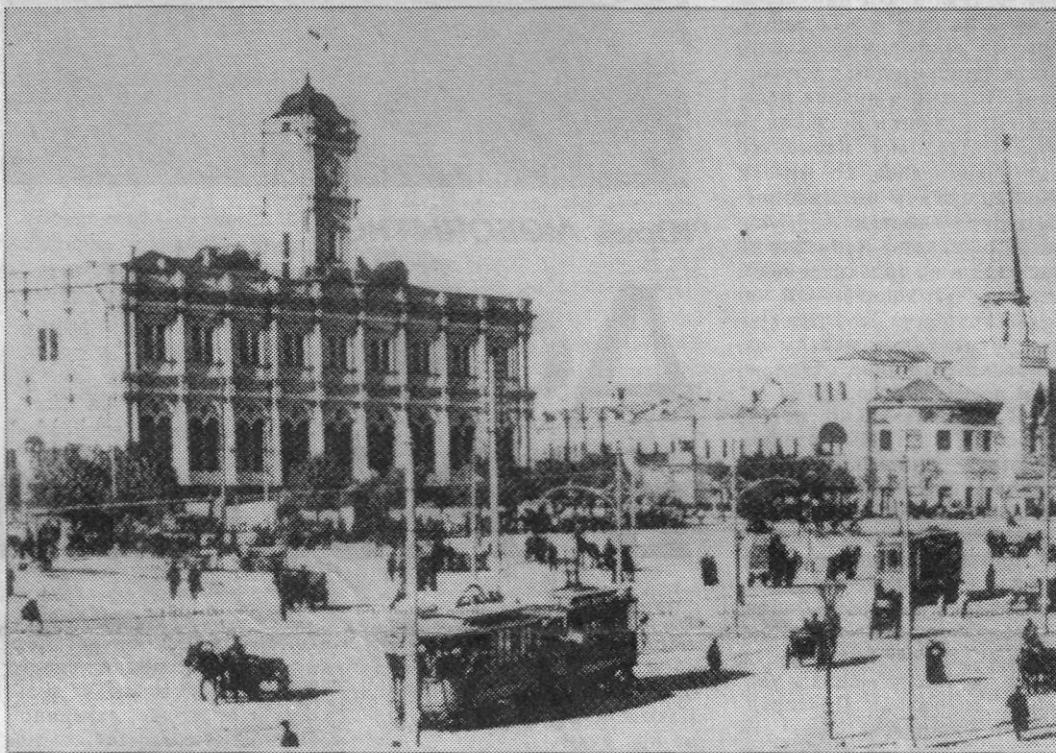
Московский пожар 1812 года уничтожил эти лавки, но после войны лесной ряд снова был восстановлен, хотя и ненадолго, так как Каланчевка во второй половине прошлого столетия начала менять свой "лесной профиль" на "железнодорожный". Этому способствовало сооружение по проекту архитектора К. А. Тона первого московского железнодорожного вокзала (Петербургско-Московский, с 1856 - Николаевский, ныне Ленинградский).

Строительство первой в России крупной железной дороги, связавшей две столицы - Петербург и Москву, стало важнейшим событием в жизни России первой половины XIX века. Дорога строилась 10 лет, в 1851 году началось движение поездов.

В 1862 году на Каланчевской площади по соседству с Николаевским вокзалом был построен маленький павильон Ярославского вокзала, в августе состоялось торжественное открытие Троицкой (ныне Московской) железнодорожной дороги. До 1870-х годов поезда следовали по ней только до Сергиевского Посада. В начале XX века здание вокзала было заменено новым, сооруженным по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля.

Немногим позже напротив двух вокзалов был построен Рязанский (ныне Казанский) вокзал.

В тот период через Каланчевскую площадь проходила железнодорожная ветка, которая соединяла Николаевскую и Курскую дороги, и доставляла много неприятностей пассажирам, спешившим на вокзалы. Дело в том, что этот отрезок ветки проходил на уровне земли и пересекался переездом со шлагбаумами. Только спустя несколько десятилетий ветку подняли на

Москва. Каланчевская площадь. Снимок начала XX века.

построенную насыпь с проездами, соединившими площадь с Каланчевской улицей.

В начале нынешнего столетия Каланчевская площадь была шумной и многолюдной. Со множеством извозничьих экипажей. Их нанимали пассажиры, прибывшие в Москву. Большая их часть устремлялась в центр Москвы через спокойную Каланчевскую улицу. Она была значительно просторнее других московских улиц, средняя ширина которых составляла около 5 саженей или 10 метров.

На довольно значительном расстоянии друг от друга стояли сначала керосиновые, а затем, ближе к центру, и га-

зовые фонари. Некоторые из них имели зеркальные рефлекторы для отражения.

С Каланчевской улицы, как правило, экипаж вез пассажира на Садовое кольцо, одной из достопримечательностей которого были Красные ворота - триумфальный памятник русского зодчества середины XVIII века. Интересна история их создания. В 1742 году в связи с коронационными торжествами императрицы Елизаветы Петровны на купеческие средства возводятся деревянные Красные ворота, простоявшие до пожара 1748 года.

После пожара эти красивые ворота решено было

возродить. Архитектором Д. В. Ухтомским делается проект восстановления ворот в камне, в точности повторивший композицию деревянных Красных ворот. Строительство каменных ворот было закончено в 1757 году.

В 1928 году ворота были снесены. Вместе с воротами была снесена и церковь Трех Святителей, что в Огородниках, построенная в 1699 году на средства, завещанные Большой казны подьячим Иваном Венюковым.

Память о Красных воротах хранят названия площади и станции метро.

Материалы подготовила Л. ГИРЛИНА.

Москва. Красные ворота.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

АВГУСТ
1997 год

1 августа 1937 года. 60 лет назад в городе прошел ливень небывалой силы. Были полностью затоплены и вышли из строя водоканалы, электростанция, затоплен жилой район Нижних улиц, уровень воды в речках поднялся на два метра.

8 августа 1997 года - 70 лет со дня рождения писателя Юрия Павловича Казакова (1927 - 1982), автора сборников рассказов "Манька", "На полустанке", повести "Артур - гонимый пес" и др. Жил в Абрамцево.

10 августа 1957 года. 40 лет назад был открыт ресторан "Север" на 120 мест.

28 августа 1997 года - 110 лет со дня рождения Павла Александровича Радимова (1887 - 1967) - художника и поэта, жившего в Абрамцево.

12 августа 1977 года, 20 лет назад Совет Министров РСФСР своим постановлением преобразовал музей-усадьбу "Абрамцево" в Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник "Абрамцево".

22 августа 1947 года, 50 лет назад в центре Загорска открылась новая чайная на 60 посадочных мест.

- В августе 1862 года, 135 лет назад состоялось торжественное открытие Троицкой железной дороги. Началось регулярное движение поездов между Москвой и Сергиевским Посадом.

К 70-летию писателя Юрия Казакова

Юрий Павлович Казаков родился 70 лет назад - 8 августа 1927 года, умер в 1982-м. Мало пожил - всего 55 лет.

Имя этого замечательного писателя в последнее время стали немного забывать. А в 60 - 70-х годах выход каждой его книги становился событием. Рассказы и очерки его читали и перечитывали, над ними плакали, задумывались, их любили. Критики ставили Казакова в ряд за Тургеневым и Буниным.

Казаков - писатель признанный: его много издавали у нас и за рубежом. Он был и останется вне времени и

Теперь уже и не вспомню точно, когда впервые услышал имя Юрия Казакова. Рассказы его прочитал где-то в начале 60-х годов. Потом удалось купить его небольшую книжку. Я тогда уже сам пробовал писать, и рассказы Казакова читал не только как читатель, но и как ученик: подолгу перечитывал особенно понравившиеся страницы, удивляясь простоте и кажущейся безыскусности казакской прозы, пытаюсь разгадать секрет его зримого, берущего за душу слова. Еще подумалось тогда: вот бы познакомиться с этим писателем, поговорить с ним, услышать мнение мастера о своих литературных опытах. В то время я и представить не мог, что доведется мне близко познакомиться с Юрием Павловичем, хорошо узнать его в последние годы жизни...

Казаков почти круглый год жил на даче в Абрамцево, от Хотькова, где я живу, до его дома рукой подать. Нашелся и общий знакомый - Анатолий Диенко, редактор районной газеты, близко знавший Юрия Павловича. Осталось найти благовидный повод, чтобы познакомиться с Казаковым, показать ему свои рассказы. И такой повод вскоре представился - правда, довольно прозаический - житейский: на даче писателя было туго с топливом (а зима в 1979-м году выдалась суровая), и меня попросили подействовать...

На другой день на рейсовом автобусе поехал в Абрамцево. От музея пошел в академический поселок пешком. Валил густой снег. Безлюдье и тишина. Мне казалось, что я слышал, как опускались снежные хлопья. Поселок опрокинут в сугробы. Ни дымка, ни человека - все под снегом. Подхожу к даче, боясь ошибиться - номеров не видно. Вроде она - в низинке. Тропка у Казакова торная, но узкая, в два шажка, присыпанная снегом. Снег и на узком низком крыльце.

Стучусь в тесовые планки. Один раз, второй. Щелкает замок и дверь приоткрывается. На пороге старая женщина, на ней пальто, повязана шерстяным платком. Смотрит на меня испытующе.

Я называю свою фамилию и добавляю:

- Насчет угля. Вы вчера мне звонили.

- Проходите, - приглашает она в дом. - Ой, у нас холодно!

Кухня на даче маленькая, почти квадратная. Немецкая чугунная печка, буфет, газовая плита, холодильник, стол. Пол некрашенный, в угольной пыли. Рядом с печкой ведро с углем. На угле совок.

Устинья Андреевна подала табуретку.

- Посидите. Я сейчас Юрия Павловича разбужу. Он не спал ночь. Болеет. Расстроенный.

Открывается дверь, входит мужчина высокого роста, грузный, в свитере, в черных валенках. Глаза под стеклами затененных очков. Лицо слегка припухшее. Протягивает руку. Голос у Казакова простуженный, но сочный.

- Пойдемте в столовую, - приглашает он. - Можете раздеваться, но у нас очень холодно.

Мы сели за стол в столовой. На улице было пасмурно и в помещении было сумрачно. Блестел в углу экраном

телевизор, на шкале радиолы отражались переплеты окон, громоздился у стены камин, полка которого была завалена старыми журналами, газетами, пузырьками от лекарств.

- Выпьем чаю? - предложил Казаков.

Я не стал отказываться.

- Мама, согрей чайку! - прокричал Казаков.

Устинья Андреевна собралась на стол...

С того времени и началось мое знакомство с Казаковым - недолгое, увы, продлившееся чуть больше трех лет. Я стал часто приходить к нему на дачу - в большой, крытый шифером, бежевого цвета финский дом с мансардой, стоящий в низине недалеко от речушки Яснушки, и Юрий Павлович несколько раз навещался ко мне, и были прогулки по живописным окрестностям Абрамцево, и разговоры допоздна за чаем (да и не только за чаем, чего уж тут, чаще за чем-нибудь "покрепче") - безыскусные, отмеченные мягким казакским юмором, отличающимся и его тонкую прозу.

В тот январский морозный день, когда мы познакомились, Юрий Павлович пошел проводить меня до Абрамцево...

Мы шли по узкой дорожке, протоптанной среди сугробов, и Казаков, зябко нахлобучивая поглубже ушанку, говорил о тепле, вспоминал недавнюю поездку в Гагру, то и дело кашлял, хватаясь за грудь. Повторял, словно извиняясь:

- Х-холодно в доме. А я, знаете, - т-тепло люблю...

Когда дошли до Абрамцево - оживился:

- Перед тем, как купить здесь дом, я жил на Оке, в Тарусе. Корни мои там. Я тоскую, глядя в окно... Не понимаю, когда некоторые писатели говорят, что им все равно, где жить, уезжают... Как отсюда можно уехать? - не понимаю. Вот и Абрамцево - место гениальное: простор, леса направо и налево. Живя в Гагре и Пища (он так и сказал - "пища") рассказ "Во сне ты горько плакал", я эти места вспоминал. Мой дом вы видели, большой слишком, для жилья не очень-то уютный, но это мое гнездо. - И пошутил: - Доведется вам когда-нибудь вспоминать писать, так и начните: "Юрий Казаков и писатель земли русской, житель абрамцевский..."

Проходясь по дорожке, - Вы приходите... - поправился тут же: - Не из-за угля, конечно, так приходите. Лучше в выходные, в субботу или воскресенье...

В первую же нашу встречу Юрий Павлович сразу потребовал показать ему рассказы (рукопись я, конечно, с собой прихватил, но сам навязывать ее бы не стал). Казаков был настроен решительно:

- Давайте-давайте. Для молодого литератора самое страшное - это вариться в собственном соку. Среда нужна: она для него, как земля для корней...

Рассказы мои Юрий Павлович читал тут же, при мне: снял очки, отчего лицо его сразу стало мягче, приблизил бумагу к самым глазам, голубым, усталым, в окружении морщин, сосредоточенно насунив брови и выдвинув вперед нижнюю губу. Мне оставалось только тихо ждать, пытаюсь по выражению казакского лица предугадать его отношение к рукописи,

моды, потому что писал о вечном - о любви, ненависти, измене, о страданиях и радостях. Писал правдиво, без фальши, с большой любовью к людям и тем местам, которые описывал. Он любил Север, родное Подмосковье, речку Яснушку, Абрамцево. Почитайте его рассказы "Во сне ты горько плакал", "Свечечка" - они о наших местах.

Что сказать еще о Казакове? Хороший писатель жил рядом с нами, любил путешествовать и общаться с друзьями. Воспоминания одного из них - Юрия Николаевича Любопытнова предлагаем вам сегодня.

Юрий ЛЮБОПЫТНОВ

Дом в Абрамцево

замирая всякий раз, когда он досадливо морщился или одобрительно кивал головой. Наконец, дочитал, водрузил на нос очки.

- Сначала о лирических миниатюрах скажу. Я бы назвал их экзерцициями. Знаете, что это такое? Так музыканты называют упражнения... вроде для разгона руки. Берут наиболее сложные части произведения и для тренировки проигрывают по несколько раз. Это тренинг, только так его и нужно воспринимать. Как и ваши миниатюры. Это кусочки рассказов, эскизы на подступах к какой-то крупной вещи. Потом... о природе лучше Пришвина, по-моему, не скажешь, а повторяться вряд ли стоит...

Казаков помолчал, перебирая исписанные страницы, снова заговорил, медленно, подбирая слова: - А с рассказом дело обстоит лучше. Только его необходимо отделять. По-моему...

Юрий Павлович - позже я в этом убедился, - разбирая то или иное произведение, никогда не рассматривал его "по строчкам", не раскладывал по полочкам: всегда говорил о вещи в целом и не анализировал ее в прямом смысле, а словно прикидывал, как бы он сам повернул сюжет, выстроил линию поведения и психологии героя, какие бы подобрал слова... Читая рассказ, он прежде всего обращал внимание на то, насколько жизненная ситуация повествования, естественна речь персонажей, точен авторский взгляд. И говоря о моем рассказе (про лесника и браконьера - без сомнения, написанном под сильным влиянием Казакова), сказал:

- Все вроде верно. Только старый лесник у вас получился больно идеальным. Слишком правильный старик. А когда ни сучка ни задоринки в характере - в него трудно верить, в жизни так не бывает. А концовку можно и поострее было бы сделать... Может быть, их нравственный спор закончился тем,

что браконьер убивает лесника. От бессилия своего убивает. В таких людях ведь, как тот браконьер, звериное обычно побеждает, они редко перерождаются. И еще... Заданность сильно чувствуется - с оглядкой пишете. А писать надо без оглядки - примут в печать, не примут... Если так думать, ничего хорошего не выйдет. Нужно правдиво писать о том, что переживаешь, что считаешь нужным. Будешь оглядываться - неизбежно сфальшивишь, а фальшь губит искусство. Пусть не печатают - значит, время не пришло. У настоящего писателя все однажды будет напечатано, ничего не пропадет. Проявишь настойчивость, упорство в своей правоте, не уступишь, - напечатано, рано или поздно, да еще возторгаться потом будут. Я вот, когда написал "Нестора и Кира", долго с ним по редакциям мыкался - нигде не брали. Укоряли: зачем, дескать, я так выпукло показываю кулака, он ведь отрицательный тип. А как же иначе я мог его показать-погрешить против жизненной правды? Только правдивое остается в литературе. Посмотреть вот книги, которые нашумели когда-то, а потом ушли в прошлое со своим временем. Многие ли из них мы сегодня читаем с удовольствием? И кто знает, что будем читать через двадцать-тридцать лет?.. Это еще хорошо, когда от поэта или прозаика остается одно-два стихотворения или рассказа. Надо стремиться так писать, чтобы твои книжки были слышны всем временам, понятны будущим людям, честны и правдивы. А для чего еще писать? Для славы что ли?!

Приходя к Казаковым, чаще всего заставал Юрия Павловича в саду возле дома, на грядках с лопатой в руках или под навесом, где были сложены дрова. Участок был большой и запущенный.

Было видно, как трудно ему приходится, - копнет раз-другой, потом подолгу

стоит, переводя астматическое дыхание, стирая со лба крупные капли пота. С каждым днем болезнь все ошущее давала о себе знать, но Казаков храбрился, подбадривая себя.

- Когда был жив отец, - вздыхал Казаков, - он занимался огородом. И яблони были - несколько штук, огурцы сажали, кабачки, пионы... Сейчас все заросло. Мама старая, а мне что-то не под силу стало в последнее время... Дачу надо отремонтировать, а не получается - сам не могу, а шабашники просят слишком много.

Я старался приходить к Казакову в выходные дни, опасаясь показаться назойливым; иногда среди недели Юрий Павлович сам навещался ко мне. В дом входил нерешительно, словно стесняясь своих "массивных габаритов", говорил обычную фразу:

- Пошли, старичок, погуляем, пообщаемся.

Всякий раз останавливался у книжного шкафа, перебирал книжки. Новинки просматривал бегло, зато классическую литературу смотрел особенно внимательно. Однажды попросил дать ему почитать Чехова:

- Возьму почитаю, ладно? А то библиотека закрыта. - Отобрал три тома из собрания сочинений, почтительно взвесил в руках. - Надо почаще перечитывать классиков: Чехова, Тургенева, Бунина... Вроде бы знакомо все, но изустить почти помнишь, а каждый раз открываешь их по-новому, замечаешь то, чего раньше не замечал. И знакомая уже вещь как-то вдруг высветливается по-иному, - шире, глубже видится. Вооб-

ще нашему брату много читать полезно - наталкивает на новые мысли, новые темы дает, рождает замыслы. Свой опыт, конечно, иметь хорошо, но опыт классиков концентрированной, без него новой эпохи не постигнешь...

Гуляя, остановились на узком железном мостике через речку Яснушку. Казаков облокотился о перила, глядя в даль через поля, на пробуждающийся от зимней спячки лес. Сказал чуть слышно:

- Замечательная речушка. Я еще напишу Яснушку. Хорош этот тихий ручеек... Алешка, сын, любил играть здесь.

Я знал, что Юрий Павлович незадолго перед тем развелся с женой, болезненно переживал это, особенно разлуку с сыном.

Был яркий весенний день, ноздрястый снег истекал водой, и по оврагам, обнажившимися до черноты, легким дымком стлались зацветающие вербы.

- Ах, Юра, как жить хочется! - шумно вздохнул Казаков. - Весна вливает новые силы. Вот отремонтирую дачу и махнем на Валдаи, к приятелю моему. Поохотимся, рыбку половим... Какие там места!.. Да нет. Наверняка опять только прособираюсь, не выберусь...

Незаметно Юрий Павлович заговорил о делах писательских, о моем рассказе, который дал почитать ему незадолго до этого. Рассказ тот был написан по воспоминаниям детства, в сказовом ключе, стилизован "под старину", напичкан "местечковыми" словечками, и Казакову это особенно не понравилось:

- Пойми, Юра, так никогда никто не говорил! - отчитывал он меня. - Это у тебя выдуманный язык. К сожалению, история нам не оставила живого народного разговорного языка, которым говорили наши предки. В основном достался язык летописей, указов - язык порочный. Вспомни, как Алек-

сей Толстой своего "Петра" создавал. Он пыточные листы читал! Редчайшие записи разговорного языка, без всяких красотостей и ухищрений летописных. С дыбы голоса, правда подноготная!.. И нечего для рассказов пыль веков перестрашивать - берите вечные темы: любовь, измену, ненависть, страдания, радость... Это всегда интересно и понятно людям. Показывайте новые отношения между людьми. Пишите о том, что окружает вас, эту жизнь, которую вы знаете. А за модой будете гоняться - ничего не получите. - Говоря о литературе, "общаясь как писатель с писателем", Казаков неизменно переходил на "вы", словно подчеркивая этим "деловую" основу разговора. - Вот есть же у вас другой рассказ про рыбаков. Хороший рассказ, все на русском языке. И сюжетный поворот в конце неожиданный. Только вот конфликта нет. А как это рассказ - без конфликта! Обязательно должен быть, в разговоре хотя бы. Обычно редакторы говорят: "Сократи!" А я говорю, еще примерно столько же дописать нужно. Пока рыбаки клева ждут, они же не просто так сидят. Они по правде треплются. Вот и допишите их разговоры, пару анекдотов даже вставьте - о бабах хоть, о прочем... И еще... У вас, кажется, пейзажа нет. А в таком рассказе без пейзажа нельзя. Как же без пейзажа. Посмотрите!..

Мы шли по абрамцевскому лесу, и Казаков торжествующе развел руками, как бы в подтверждение своей правоты: без пейзажа действительно было нельзя.

Как Казаков и предчувствовал, сорвалась его поездка на Новую Землю. Летом он попал в больницу, вышел только осенью. 23 сентября написал мне:

"Дорогой Юра! Я в больнице, выйду, наверное, через недели две... Я уже почти два месяца в больнице, очень была "трудная" операция (камень в желчном пузыре и поджелудочная железа), говорят, я чуть концы не отдал... Как только приеду в Абрамцево, сразу прикачу к вам. Увы, теперь нельзя нам выпить (по крайней мере полгода), но мы и так пообщаемся. Привет маме и папе. Обнимаю. Ю. Казаков". И приписка: "Напиши мне. Я еще тут дней 10-12-15..." Но он и тут не угадал: в новом письме написал: "Я в больнице, дела мои нехороши, держат будут долго..."

Никогда Казаков не жаловался, не говорил, как ему стало тяжело жить и работать, наоборот - храбрился, уверял всех, что прекрасно себя чувствует, и про то, как ему хочется жить, какие рассказы он еще напишет. Но грусть, которую он всегда носил с собой, нет-нет да и вырывалась наружу.

В свой предпоследний день рождения, когда мы, несколько всего гостей - директор абрамцевского музея Иван Алексеевич Рыбаков, прозник - дальневосточник Владимир Христофоров и двое молодых литераторов, восьмого августа пришли на дачу к Юрию Павловичу, он весь вечер шутил, рассказы выдал нам что-то, восседа за столом в темно-розовом бархатном халате, слушал цыганские песни. И вдруг попросил меня:

- Юра, ты знаешь, поставь, пожалуйста, Высоцкого.

Я поставил маленькую черную пластиночку, где были записаны "Кони привередливые" (ее Казаков особенно любил) и другие песни. Слушая его хрипловатый "с царанкой" голос, Юрий Павлович нахмурился, обмяк плечами, то и дело смахивал слезы рукавом халата. И когда началась песня "Корабли постоят и ложатся на курс...", проговорил глухо:

- Он чувствовал, конечно, что умрет скоро. Слова такие: "Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и делах!.."

Почти весь 1982 год Казаков находился в приподнятом настроении - был полон энергии, замыслов, планов. Говорил:

- Знаешь, хочу продолжить абрамцевскую тему. В рассказе "Во сне ты горько плакал" я ее только коснулся, а теперь раскручу пошире. Буду писать про абрамцевского художника. Сюжет уже придумал.

Больше всего ему хотелось продолжить "Северный дневник":

- Хочу поехать в Финляндию, Швецию, Норвегию... Посмотреть, как там живут рыбаки, а потом написать об этом. Тогда "Северный дневник" получит свое логическое завершение...

Вынашивал замыслы крупных произведений:

- Давно есть мысль написать повесть. Половина почти написана, про мальчика и про войну. Не знаю, как это у меня получится. Ведь Чехов всю жизнь тоже мечтал написать роман, а вот не написал. Наверное, и я не успею...

Чувствовал он себя все хуже и хуже. Но тем упрямее старался не подавать виду. Устинья Андреевна рассказала потом: когда Юрию Павловичу было совсем плохо, вызвала она однажды "неотложку"; врачи приехали не скоро, когда Казакову стало чуть получше, и он решительно отказался от медицинской помощи: "Я здоров и показывать себя не буду!"

Последний раз я видел Казакова в больнице, откуда он уже не вышел. Был теплый дождливый июльский день, когда я приехал его навестить. Юрия Павловича застал на лестничной клетке, где он курил с несколькими другими больными. В ответ на все вопросы отмахнулся:

- Все нормально! Сам видишь - хожу. Процедуры разные делаю. Вроде хорошо все, а меня что-то не выпысывают... Да ладно про меня, ты про себя расскажи лучше. По лицу вижу, похвастаться чем-то хочешь.

Я довольно показал Казакову толстый журнал, где как раз напечатали мой рассказ. Юрий Павлович, хрюхтя, уселся на ступеньках, снял очки, уткнулся носом в журнал. Буркнул:

- Ишь ты, разошелся. Меня вот сначала в "Работнице" напечатали, я на седьмом небе от счастья был, тираж ведь миллионный, правда, меня никто не заметил... А этот журнал писательский. Когда я в нем "Арктур - гончий пес" напечатал, ко мне в Доме литераторов подходили, руку пожимали... А после того, как на меня разносную статью накатали, тут уж я стал знаменитым... Ты знаешь, журнал мне этот подари, да напиши на нем что-нибудь хорошее. Рад за тебя. - И опять сказал: - Всегда пиши о людях, которых ты знаешь, о том, что сам видишь.

Перед тем, как лечь в больницу, Юрий Павлович заехал ко мне домой и, прощаясь, подарил свою последнюю "детгизовскую" книжку, написав на ней: "Юре Любопытнову с любовью и в надежде, что когда-нибудь получи автограф на твоей книжке. Ю. Казаков. 2. VI. 1982. (Хотьково, зеленая улица, вечер, солнце, тепло, комары)". И странно сознавать сегодня, что навсегда опустел просторный казаковский дом в Абрамцеве, что никогда уже не скажет Юрий Павлович: "Пойдем, старичок, погуляем, пообщаемся," что некому мне сделать ответный подарок...

Хотьково, 1984 год.

В Сергиевом Посаде мы прожили до лета 1928 года. Жили сперва на Красюковке (Березовый бульвар) в доме Анатолия Александровича Александрова, затем напротив на том же бульваре (...)

Тогда еще существовал Гефсиманский скит - высокочтимый монастырь. Игуменом в нем был отец Израиль, жил там и отец Кронид - наместник Сергиевой лавры. Большим почитанием пользовался иеромонах отец Порфирий, последний старец скита, преемник о. Варнавы.

До революции в Гефсиманский скит женщины допускались раз в год на второй день храмового праздника Успения Божьей Матери,

Длилось богослужение по несколько часов, но отец с нами выстаивал их полностью. После обедни мы часто пили чай у игумена Израйля. Его кельи были расположены налево от церкви, под одной с ней кровлею. Окно в спальне отца Израйля находилось близ алтаря в церкви. Так что он мог выслушать богослужение в своей келье (...)

В скиту было прекрасное налаженное хозяйство. Все светило чистотой и порядком. Никогда больше я не видела такого ухоженного скота и полей. Особенно помню, как лоснились бока и спины лошадей, с которыми так ласково обращались. Изготавливали в скиту какой-то необычайный квас из черной смородины. Он был так

ГЕФСИМАНСКИЙ СКИТ

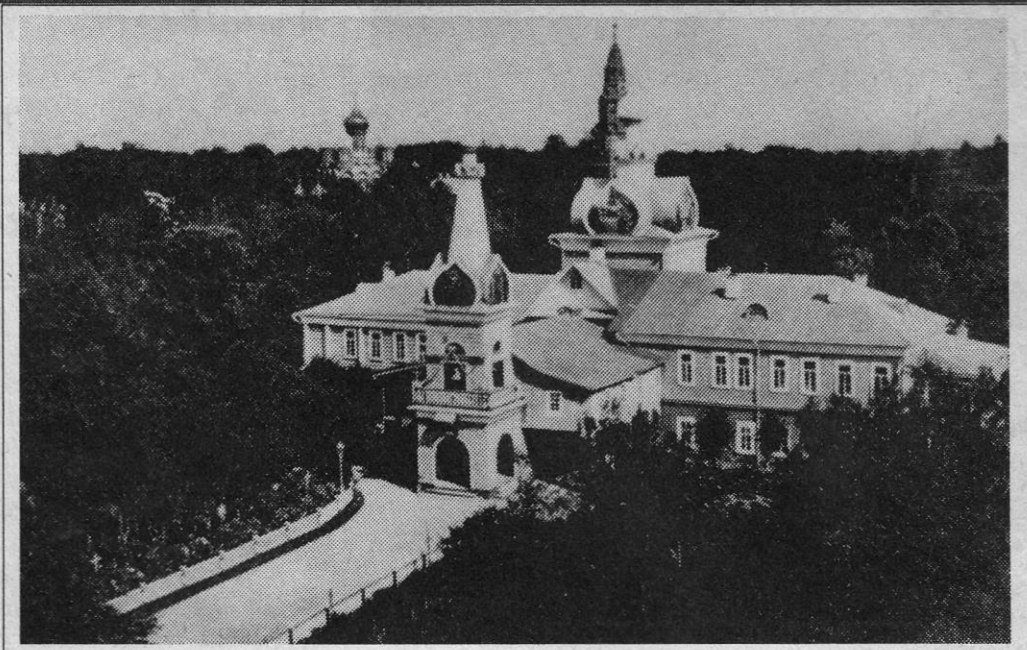
Из воспоминаний К. П. Трубецкой

но в наше время ходили постоянно (...)

Богослужения в Гефсиманском скиту отличались замечательной красотой. Пение - столбовое на крюках, всегда на два клироса с канонархами; полное отсутствие по уставу всякого драгоценного металла - все деревянное, перламутр, чудные облачения, изготовленные хотьковскими монахинями. В будни облачения были холщовые, отделанные с большим вкусом холщовыми же полосами искусно подобранного цвета. Помню облачения на страстной седмице, поразившие меня своей красотой. По краю черных бархатных фелоней, на некотором расстоянии один от другого, ярко выделялись белые круги с разноцветными букетами цветов.

вкусен, что в свое время поставился к царскому столу. Близ скита были большие пруды. В них монахи развели каких-то замечательных снетков. Не знаю, ловили ли их в другое время года, но помню, что на сырной седмице (именуемой в миру масленицей) во льду делали проруби, и их во множестве вылавливали сачками. Отец Израиль и нам присылал этих снетков. Их замечательно вкусно жарили с блинами. Пруды были совсем рядом с Посадом и не огорожены. Все-все знали о снетках, но не было случаев, чтобы их воровали (...)

В первый раз в Посаде (по-моему, в 1924 г.) отец мой и несколько близких людей были арестованы и освобождены в Великие среду или четверг страстной седмицы.

Храм Успения Божьей Матери

Дорога к Гефсиманскому скиту

Разумеется, в ближайший день отец с матерью и с нами, детьми, пошел в Гефсиманский скит. После обедни один из монахов сказал отцу: "Поздравляю вас, Петр Владимирович, с милостью Божией". Отец подумал, что поздравление это относится к его освобождению, и ответил, что действительно великая милость Божия выйти на свободу до Пасхи. Но монах возразил, что не с этим его поздравляет, а с тем, что сын Сергей только что упал с колокольни, но ухватился за веревку, повис на ней и был спасен. Колокольня достаточно высокая... Брат вошел в нее, видимо, шалил, и упал внутрь, но ухватившись за веревку, остался невредим. По этому поводу был отслужен благодарственный молебен.

Упомянув о колокольне Гефсиманского скита, расскажу случай о колокольне Черниговского монастыря, располагавшегося за скитом, в непосредственной близости от него. В каком-то году, не позднее 1927-го, сбросили на землю самый большой тамешный колокол. Он, упав, не разбился. К счастью, для людей, техники тогда особой не было, и колокол старались безуспешно расколоть, чтобы увезти. Мощное тело его не поддавалось злым усилиям. Тогда дожались морозов и облили колокол кипятком. Этого он не выдержал и лопнул с громким стоном, далеко отозвавшимся в холодном воздухе.

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 75 лет назад был причислен к лику Святых священномученик Сергей (Шейн), представлявший в Петрограде Троице-Сергиеву лавру.

Род Шейных славен многими именами: Михаил Шейн героически оборонял Смоленск в смутное время, Алексей Шейн был одним из лучших полководцев Петра I.

Многие из этого рода похоронены в Троице-Сергиевом монастыре. С 1544 года они делали в монастырь вклады деньгами, иконами, серебряными церковными сосудами, драгоценными тканями, ризами, шубами, конями, конской упряжью и пр.

Василий Шейн родился в 1870 году в семье дворян Тульской губернии. В 1920 году он принял монашеское пострижение под именем Сергей в честь преподобного Сергия Радонежского, вскоре был рукоположен в священника и возведен в сан архимандрита. С апреля 1921 года являлся настоятелем Петроградского Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке.

Как известно, в 1921 году в Поволжье случилась засуха, началась мор. К концу года голо-

"Прости им, Боже, не ведают бо, что творят"

Памяти отца Сергея (Шейна)

дающих в стране было 23,2 млн человек.

Патриарх Тихон писал в воззвании к народам мира и православному человеку по поводу голода в России: "...К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой: Помогите стране, помогающей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода!"

Тогда же, летом 1921 года, Патриарх благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, для нужд голодающих.

Однако в феврале 1922 года ВЦИК декретом узаконил изъятие церковных ценностей. Послание Патриарха, где он оговаривал добровольность

пожертвований, было расценено как саботаж, а сам он был арестован.

Петроградский митрополит Вениамин, проводя весной 1922 года переговоры с Помголом (Комитет помощи голодающим), соглашался отдать все церковные ценности, включая священные сосуды, но добровольно. И настаивал при этом на включении представителей Церкви в комиссию.

В это время появилось секретное письмо Ленина секретарию ЦК Молотову для ознакомления всех членов Политбюро, в котором, в частности, было сказано: "...Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом (...). Чем большее число реакционной

Ксения Петровна Трубецкая, урожденная Истомина, умерла в прошлом году. Ее отец, Петр Владимирович Истомина (1879-после 1935), окончив юридический факультет Московского университета, занимал должность земского начальника в Верейском уезде Московской губернии. Во время японской войны пошел на фронт вольноопределяющимся. Был награжден георгиевским оружием. После войны служил в разных учреждениях Москвы и Петербурга. Во время первой мировой войны был директором канцелярии Великого князя Николая Николаевича на Кавказе. Там он сблизился с Олсуфьевыми, Мансуровыми, Комаровскими (см. "Краеведческий вестник" № 19, 20, 21). И после революции Комаровские пригласили П. В. Истомину в свое подмосковное имение Измалково, где обе семьи и прожили до 1923 года, до передачи усадьбы детской колонии. Тогда Комаровские и Истомины переехали в Сергиев Посад, ставший приютом для многих так называемых "бывших".

П. В. Истомина арестовали осенью 1925 года. Это был уже второй арест его в Сергиевом Посаде. Сто дней просидел он на Лубянке в одиночной камере и был выслан на Соловки.

В декабре 1928 года срок заключения П. В. Истомин закончился. Но еще в мае в Сергиевом Посаде прошли многочисленные аресты. В числе других были арестованы его жена и сын. К. П. Трубецкая пишет: "Арестом предшествовало покушение на одного из начальствующих лиц Посада. Говорили, что в него стреляла его бывшая жена. На допросе брату предъявили, между прочим, обвинение в этом покушении. На это брат, тогда еще совсем юный, сказал, что если бы стрелял он, то непременно попал бы. Следователь перестал настаивать на своих словах."

Приговор Истомина был - три года "минус шесть", то есть три года запрещалось жить в шести определенных городах. Они переехали в Тверь. В конце 1928 года после Соловецкого лагеря приехал к семье и отец.

После окончания срока высылки семья попыталась вернуться ближе к Москве, но тут началась паспортная. Истоминим паспортов не дали, и они вынуждены были покинуть Московскую область. Переехали в Орел. Но в 1934 году арестовали всех членов семьи, кроме матери. После трех месяцев заключения выслали в г. Кокчетав (Казахстан).

В 1936 г. и в Кокчетаве произошли большие аресты. Взяли и П. В. Истомину. С тех пор о нем ничего не известно.

Судьба П. В. Истомин, пожалуй, типичная судьба человека из так называемых "бывших", потомка известного участника Севастопольской обороны В. И. Истомин. Был он, по словам дочери, полностью привержен Церкви и семье. Уделял семье большое внимание, но чувство долга превышало его отношение к семье. Не было случая, когда бы он смолчал, если речь заходила о вопросах, связанных с его убеждениями. За это он и поплатился свободой, а потом и жизнью.

Т. СМЕРНОВА.

Священномученик Сергей (Шейн) в миру.

буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше".

И митрополита Вениамин арестовали как якобы противившегося изъятию церковных ценностей. Вместе с ним по этому делу проходило еще 86 человек. Четверо из них, в том числе сам митрополит и отец Сергей были приговорены к расстрелу. Обвинили о. Сергия в том, что он будто бы "обсуждал и разрабатывал вопросы противодействия советской власти". В вину поставили и высвянное происхождение и высшее образование.

В последнем слове на суде о. Сергей сказал: "Единственная слабая физическая нить связывает меня с сей жизнью. Неужели же трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшней? Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь за вас".

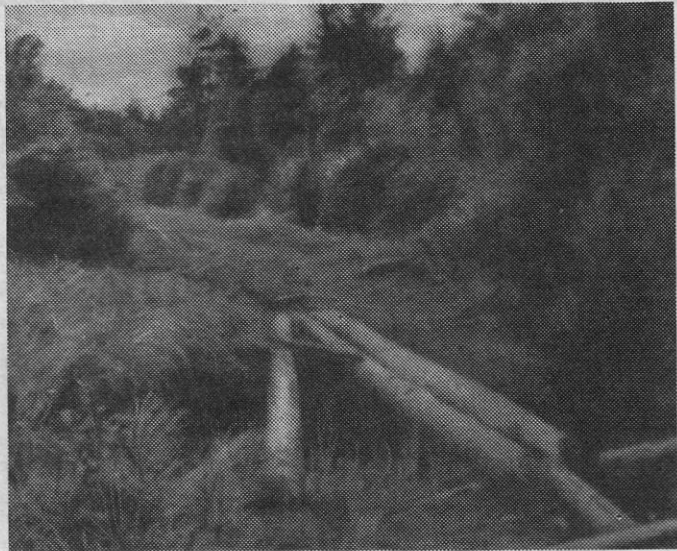
После приговора, когда его везли на Шпалерную в ДПЗ, он угощал конвоира ягодами клубники, только что ему принесенными: "Ягоды не отравлены, - уговаривал он солдата.

Спокойствие не изменило о. Сергию и в последние минуты перед расстрелом. Он громко повторял молитву: "Прости им, Боже, не ведают бо, что творят".

Приговоренных расстреляли в ночь на 13 августа 1922 года.

Всего прошло тогда в России в связи с изъятием церковных ценностей две тысячи судебных процессов, сотни тысяч верующих были отправлены в лагерь, более десяти тысяч расстреляны. Сегодня мы вспомнили об одном из них - человеке, о котором отец Михаил Чельцов, оказавшийся после ареста с ним в одной камере, написал: "...За двое суток, проведенных с ним, я доселе Господа благодарю" ("Воспоминания "смертника" о пережитом").

Т. СМЕРНОВА

Один день из жизни Михаила Пришвина

70 лет назад, в августовские дни 1927 года, Михаил Пришвин охотился в наших местах, в районе реки Дубны. По признанию писателя, он впервые в жизни получил тогда возможность отвлечься от своего писательского дела как профессии и в течение двух месяцев остаться на воле с "вольным делом" натаски собаки.

В это время Пришвин усиленно работает над автобиографическим романом "Кошечья цепь".

Из дневника охоты, который вел писатель, мы взяли всего лишь один день.

1 АВГУСТА. День разрешения охоты... В радостной тревоге я проснулся в 2 часа ночи, было еще темно. И в 3 часа проснулся, вышел с собаками на улицу. На Дубне уже была стрельба, как на фронте. Я выхожу с ружьем в 4 часа 20 минут. Солнце довольно высоко. Роса крепкая, трава от нее как алюминий. На фоне темного леса еще не исчезла легкая полоска синего тумана.

... Свесив на грудь мглистую бороду, легкой юношеской поступью идет царь Берендей тропинкой в кусты, спускается в приболотицу.

Есть ли на свете такое шампанское, от которого так закипает детство в старой груди, как теперь у Берендея? Есть ли невеста на свете, так украшенная цветами и бриллиантами, как украшена в это теплое утро любимая земля?..

Так он проходит, и, ей-богу, мне тоже не стыдно идти ему вслед, у меня еще очень легкая поступь, и глаза мои отдохнули от книг совершенно, ружье надежное, собака вернейшая. И самое главное, что ведь это счастье мне являлось в самых трудных для жизни условиях болота, больше того, что никому оно не нужно, что и ничего чужого не взял.

Мыслитель. Трудно представить себе встречного человека, который, завидев меня с двумя собаками в березовых рубашках, притом пятно в пятно, не стал бы тарашить глаза.

Но сегодня мне встретился прохожий пожилой человек с котомкой за спиной не обративший на меня никакого внимания, не удостоивший даже косога взгляда. Лицо у него было медно-красное от ветра и солнца, загар скрыл его внутренний мир, не давая никакой возможности догадаться по чертам лица о его происхождении.

... Возможно это какой-нибудь простолюдин в тягостные годы был озарен мыслью и теперь так дорожит возможностью широкого раздумья в пути, что не хочет тратить драгоценное внимание на случайность явления человека с двумя собаками в березовых рубашках.

Прохожий молчаливый человек не выходит у меня из головы, и от этой встречи завязывается какая-то мысль о людях, владеющих словом и молчаливых. Кто умеет хорошо и метко выражаться словом, для этого ему не нужно

так много опыта в жизни: его дело в словах.

Другие люди, много знающие, сосредоточенно правдивые, относятся к таким говорунам редко с завистью, но всегда с презрением. В простом народе одаренный словесник считается пустым человеком.

"Положа руку на сердце" говорю, что никогда не осмеливался думать о беллетристике как о пошлости, хотя все крупные писатели, начиная с Пушкина, занимаясь писанием романов, высказывались о романах как о пошлости.

Некто привел мне множество примеров глумления над романами русских романистов. По его словам, это объясняется тем, что европейское искусство с давних времен заняло иллюзорную позицию в жизни, и читатель всерьез говорит о словесном искусстве как об "отдыхе": обманулся на несколько часов - и то хорошо.

Таким образом, в наших русских условиях, где литературный обман не нашел еще вполне крупных фабрикантов и прочного сбыта, он не является еще в голом виде, а по-детски наивно ташит за собой из недр земли - жизни - корневиче правды, истины, справедливости, красоты.

Нет, мы не всегда правы, когда бываем скептиками, часто желудок просто бывает не совсем в порядке, когда мы презрительно говорим - "животная радость"! Почему, почему плоха животная радость, когда она никому не мешает и является даже в никому не нужных болотах, в непереносимых для множества условиях? И наконец, почему сказать слово "жизнь" не плохо, а сказать "живот" до того неприлично, что в салонах его заменяют и говорят: не "живот" болит, а "желудок"?

Чудесная животная радость охватила все существа, когда растаяли все признаки белой радуги и каждая капля засверкала маленьким солнцем. Весь с головы до ног орошенный, свесив на здоровый живот мглистую бороду, выходит царь Берендей из кустов... Журавли издали приветствуют его громкими криками, и, не замечая нас, семь огромных проносятся у нас над головами. Конечно, мы не хотим им портить настроение своим бекасинником и пропускаем их с радостным трепетом.

НА КОНКУРС

"Моя родословная"

Мои дедушки

Моего прадедушку звали Макар. Он был сильный и добрый, как русский богатырь. В гражданскую и Отечественную войну он храбро воевал, награжден орденами и медалями.

Мама рассказывала мне, что прадедушка Макар закончил курсы красных командиров в Москве и к ним с поздравлением приезжал В. И. Ленин.

А второй прадедушка, Иван, тоже воевал под командованием генерала Брусилова, только сильно простудился и потом умер.

Дедушка Алеша работал агрономом, в его деревне рос большой сад и была у него красивая лошадь, на которой он ездил по полям. Он знал секреты, как выращивать богатый урожай.

Я их, к сожалению, никого не видел, но у нас дома лежат фотографии. Я выбрал фотографию прадедушки Макара.

Женя БОЛОТОВ, 9 лет.

И наши бабушки

По каким-то горьким правилам судьбы они рано оставались вдовами: бабушка Анисья растила своих и вто-

рого мужа детей, Степанида - девятилетняя.

Степанида Спиридоновна и была женой Ивана, воевавшего с знаменитым генералом А. А. Брусиловым. Вместе с тысячами других солдат дед Иван участвовал в известном "брусиловском прорыве", вошедшем в военные учебники. Лежа в залитых водой окопах, простудился и после "лихорадки" (скорее, тяжелого воспаления легких), был отписан домой. В деревне, как известно, нужен крепкий, работающий мужик, он же не мог поднять соху. Вскоре умер.

Оставшись с девятью ребятишками, наща Степанида пахала и сеяла, полела и жала. Она почти не умела читать и писать, но когда создали колхоз, ее выбрали счетоводом, записывала она трудовни-палочки без единой ошибки.

Пережив полтора года немецкой оккупации, да и все четыре года войны, она с другими бабами нашей орловской деревни восстанавливала хозяйство. Коров берегли, пахали на быках, а в борону впрягались сами. Из землянок выбрались не сразу, строились трудно, всем миром.

Судьба сложилась так, что после смерти невестки и сына Алексея Сте-

панида Спиридоновна в 91 год переехала к дочери в Москву. Паспортов у крестьян не было, а в столице без него не прописывали. Поехали фотографироваться. Фотограф смеялся: "Ну, бабушка, вас в Книгу рекордов Гиннеса надо, в таком возрасте первый паспорт!"

Всю жизнь она ругала Ленина за порушенные церкви, а умерла, как и обидчик, 21 января... Мы готовились к ее 100-летию, но она не дожила до него всего несколько месяцев.

Валентина БОЛОТОВА.

Конкурс "Моя родословная" продолжается. Итоги будут подводиться в декабре 1997 года. Пишите о своих далеких и близких предках, о дедушках и бабушках. Присылайте нам их фотографии, документы, награды. Составляйте генеалогическое древо.

Материалы можно принести в редакцию газеты "Вперед" или в краеведческий отдел музея-заповедника по адресу: Аптекарский переулок, 2. Тел. 4-92-07.

Ждем новых поступлений

ПОИСК

Краеведческий отдел музея-заповедника продолжает сбор экспонатов. Мы благодарим всех, кто оказывает нам помощь в этой работе. Уже собрано немало документов, книг, фотографий, рассказывающих о нашем прошлом. Некоторые находки вызывают восторг и удивление. Например, платье из шелка и атласа с оборками, рюшами, кружевами, шлейфом; образчики шелковых тканей фабрики Зайцева; крестьянский сарафан конца прошлого века, самовары...

Радует нас и каждая редкая фотография. Одна из них перед вами. Она сделана в фотосалоне Платонова в начале века. Седовласый, красивый, благородного вида человек в центре - профессор Московской духовной академии, редактор журнала "Богословский вестник" Михаил Михайлович Тареев. Эту фотографию и многие другие редкие снимки конца прошлого - начала нынешнего века можно будет увидеть в книге К. Филимонова "Сергиев Посад. Страницы истории". Она выйдет в конце года, а в сентябре на это уникальное издание будет объявлена льготная подписка, об условиях которой мы сообщим в газете "Вперед" за несколько дней до ее начала.

Л. ГИРЛИНА.

